

Алексей
ПОЛУБОТА
(Москва)

Эта Горловка –
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь – всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждётся меня верно – ты.
Нет, не умерло
в мёрзлых сумерках
всё, что теплилось, как свеча...
Эта Горловка –
чаща горькая,
бьётся кровь в виски, горяча...

О, сколько грохота и боли
И недосказанной любви.
В заснеженном донецком поле
Её по имени зови.

Когда в тебя летят снаряды,
Когда сжимают сердце льды,
Когда друзья, скрывая взгляды,
Молчат под тяжестью беды.

Когда нет сил уже от боли,
И кажется – всё было зря.
Когда горит над снежным полем
Твоя последняя заря.

Отчего здесь
такие горячие звёзды?!
Даже могут насквозь
твоё сердце прожечь.
На студёных ветрах,
вышибающих слёзы,
здесь так трудно
остатки надежды сберечь.

Этот сумрачный гул
из-за тьмы терриконов,
словно языки
разбуженных бесов войны.
Но сильней всё равно
светлых глаз непреклонность
среди разорванной в клочья
ночной тишины.

Ирина
СЕМЁНОВА

"Так должно бысть..."

И ветка в бледно-розовых цветах
Восток напоминает почему-то,
А оттого, что есть одна минута,
Когда он молча с Богом говорит.
И как свеча душа его горит.
Глаголу мира потрясенно внемля,
Но словно ангел, сверженный на землю,
Всем существом он надвое разбит.

Ночью рокошет заснеженный сад,
Скрипы древесные грозны,
Липы вздыхают, и долго шуршат
Иглами древние сосны.

Поезд по насыпи едет, темно.
Льётся огней вереница.
Кто-то, наверное, смотрит в окно –
Мрак пересилить стремится.

Помню и я, как ночная вода
В речках сверкала безмолвных,
Как проплывали вдали города
Главами храмов церковных.

В людном соборе иль церкви пустой
Я алтари созерцала,
Словно о местности главное той
Именно здесь узнавала.

Можно припомнить моря и хребты,
Степи и запахи пустыни,
В дикой природе полно красоты,
Но мирозданию, как Божьи черты,
Необходимы святыни.

Когда заря вдали изнемогла,
Церковной свечки я сожгла частицу,
В окне свежела мартовская мгла,
И капал чистый воск на половицу.

А в бледном небе месяц молодой
Лучился сквозь березовые пряди,
Чтоб обо мне ты вспомнил Бога ради,
Я всех святых молила чередой.

Но так смиренно шёл Великий пост,
Что колебались радости основы,
Хоть свод кипел переизбытком звёзд.
И я скорбела, тем удручена,
Что столь законы горние суровы,
Что будет век стезя твоя темна.

Как будто вы не знаете и сами
Божественного промысла ито!
Отплакал дождь внезапными слезами
И озарила радуга Восток.
Но чёрствый хлеб в цене, и чудо редко,
И смутный ропот

слышен сквозь мольбы,
И вдруг вдовой становится соседка,
И суетой не веет от судьбы.
И только лип цветущих ароматы
Напоминают прошлое слегка,
Но всё пустынной долгие закаты
И колокольный звук издалека.
И всё мертвей, безжалостнее время,
Где все средь бедствий жить осуждены,
А красота – лишь пленница гарема
В стране, что стала призраком страны.
Но еле слышно в поднебесном свете
Пророчит странник, победивший плоть:
– Так должно бысть сему,
не бойтесь, дети!

Се ангелов из вас творит Господь!

Как видно, ветер был из южных –
Дождя струилась мадригал
И бисер капелек жемчужных
По веткам липовым сбегал.
Над шпилем церкви отдаленной,
Над аркой вогнутой моста,

На жгучих полях Новороссии
Сошлись они в смертном бою.
Умылись кровавыми росами
За веру и правду свою.

Один – славянин ополеченный.
Другой – воин светлой Руси.
В краине, усобьем охваченной,
Пощады теперь не проси.

И вот, чёрной пулей прострелены,
Обнялись, как братья, они.
Как бесы над ними – пропеллеры
Рокочут и мечут огни.

По минному полю славяне идут,
По минному полю.
Над ним провода,
словно струны, поют
Про лучшую долю.

Повисли останки на тех проводах,
Повисли останки
Кровавое солнце садится во прах
Под звуки "славянки".

Алексей
ШОРОХОВ
(Москва)

По гулким улицам города, гордого
Своей непричастностью, – нас несут.
Послушай, родная, не надо твёрдого
Укора губ твоих – это суд...

Поверь мне, мальчик твой
скоро выздоровеет,
Он будет светел, как летний день,
Как лёгкий дым
над Невой от выстрела.
Он будет собран и статен... Вдень

В иглу любимую нить суровую,
Пришей мне пуговиц про запас.
...Вот только эту жизнь – и здоровую,
И слышком сильную – Бог не спас.

Когда над родиной
едва погаснет день
С такой тоской,
Бог весть с какой тоскою,
Потопленных в тумане деревень,
Плывущих между небом и рекою,
И я пойму, что всё это не сон:
Что наша даль, вспоенная веками,

И этот синий уходящий звон,
И звук воды, kloкочущей о камень, –
Всё это было много, много раз,
Звучало в полевой моей отчизне;
Что только это Бог от смерти спас,
Но сохранил уже

для лучшей жизни...
Я задохнусь, чтоб вслух не зарыдать,
Широкой грудью выдыхая воздух, –
И снизойдёт на душу благодать
Незримая, таинственная, в звёздах...

Сны о Новороссии

Сны стали яркие сниться,
Детские вещие сны.
Где-то пылают зарницы
Близкой по крови войны.
Где-то становится летом
Парень, сгоревший в броне.
Только ведь я не об этом,
Я не о том совсем... Не
Понимая откуда,
В нас эта вечность течёт,
Наспех прощаемся с чудом,
Свой не жалея живот.
Что же нас встретит на древнем
И бесконечном мосту?
...Домик над речкой в деревне,
В детстве уроненный ступ.
Жизни прошедшей пленный.
Тёмные воды извне.
Старый отец у причала
С парнем, сгоревшим в броне.

Как стонут морские сирены!
Над ключьями розовой пены,
Над жизнью смешной и мгновенной,
Бесшумной, как тень мотылька...
А где-то в соседней вселенной
Лежит, улыбается пленный.
Простой жизнерадостный пленный
Без глаз, головы, языка.

Жить в кочующем Риме,
где только и свято, что – камни
Обрастающих мхом,
как историей, диких земель.
Как же гулко и грустно кругом!
Неужели пора мне,
Наглядевшись на осень,
в имперскую сгинуть метель?

То не выюга вокруг,
то несёт наши бедные души.
Как же быстро, мой Бог,
всё теряется в снежной судьбе!

Ю.Воробьевскому

Накануне войны
лишь одно утешением служит,
Накануне зимы,
накануне дороги... к Тебе.

К РОДИНЕ

Н.Дорошенко

Время полулюдей,
годы полураспада,
Череда беззаконий
поросла лебедой.

Что же случилось с тобой,
и кому это надо –
Километры беды
мерить общей бедой?

Что нам "Запад", "Восток",
если вышло иное,
Если русские тропы сюда привели?
Ты стоишь на краю,
чуешь вечность спиной,
А вокруг только небо
и немного земли.

Только ты, моя рань,
моя вольная воля,
Позабыв про усталость,
вся в небесной пыли,
Только ты и осталась,
как лучшая доля,
Только ты и стоишь –
остальное болит.

Андрей
ШТАЛЬ
(Краматорск)

ГОВОРЯТ

Говорят, серьёзные шли бои.
Говорят, за городом – беспредел,
Говорят, стреляли в своих свои,
Говорят, что будет опять обстрел.

Но она не слушает глупый бред,
И она не верит всему подряд.
В дом вернулся газ, и вернулся свет,
За углом есть школа и детский сад.

Вот и чайник утречком засистел,
Закипела, стало быть, в нём вода,
И уже пора разбудить детей,
Чтоб потом доставить кого куда.

А потом – по мосту висячему

(Если прыгнуть вдвоем –
качается...)

И река за горами прячется.
И влюбиться ещё случается.
Чуть хмельными,
совсем нездешними

Очутиться
в сверканье парковом.

А неё два маленьких пацана,
А девочке старшенькой –
десять лет.
Всё прекрасно, если бы не война,
Та, которой, вроде бы, как и нет.

Я попанная всеми добродетель,
Я русская рыбешка в "Охмадете",
Я тело убиенного ребёнка,
Я мина и горящая воронка,

Я сердце медсестры,
что звали Юлей,
Я старое название новых улиц,
Я мародёром занятая хата,
Я вечно кровотокающая вата,

Я пуля, я зудящая заноза,
Я те, кого забрали по доносу,
Я ИВС, наручники и нары,
Я новости, несущие кошмары,

Я правда, не звучащая с экрана,
Я порохом пропитанная рана,
Я боль страны, я все её невроты,
Последний – красный –
уровень угрозы.

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА АПОКАЛИПСИСА

Можешь губы кусать,
но иди и смотри:
Бог срывает печати,
а слёз больше нет,
И по кромке последней
Донецкой зари
Мчится всадник
на огненно-рыжем коне.

Здесь вчера побывали
Антихрист с Чумой,
Зря ль кровавые мальчики
ходят вокруг?
Здесь трясётся в полынной степи
гумноковой,
Как трясётся костлявые руки старух.
Это мёртвое время, и голод, и плач
По твоей ли,
а может, по общей вине?
Вслед за рыжим
уже отправляется вскачь
Чёрный всадник
на чёрном-пречёрном коне.

По сердцам человечим
елозит вражда,
Зреет в стынувших ранах
холодная месть.
Остаётся немного совсем
подождать:
Будет всадник последний,
а там уже – Смерть.

Осторожно влюблённый.
Ребёнок с оглядкой на север.
День рождения новым.
Воистину праздничный день.

Никому не известно,
какого народа потомок.
Тем свободней и проще прожить:
абсолютно без мет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нам в зоне пропуска
проверят паспорта.
Успеть бы вырваться,
здесь ночью горячо.
В степи бескрайней
зимний ветер заплутал.
Ему ни мины, ни растяжки нипочём.
Господь повсюду
белый саван постелил,
Земля мертва,
но наши ангелы не спят.
Луна как беженка
ползёт вокруг Земли,
И мы ползём и возвращаемся назад.

ОБСТРЕЛ

Город пахнет смертью,
порохом, свинцом.
На асфальте стынет
мясо мертвецов.

Новые могилы, гибельные дни,
Небо содрогнулось,
тишина звенит.

Пролетит по небу
множество смертей,
Упадёшь на землю,
будешь ближе к ней.
Закрываешь уши, открываешь рот,
Верись –
милосердный Боженька спасёт.

АТЛАНТИДА

Собирайте в мешки богатства,
Загружайте свой скорб в подводы!
Что со смертью теперь тягаться?
Атлантида идёт под воду!

Мимо с плачем бегут соседи,
Люди в лёгких ночных хитонах.
Тихо, бабы, мы все уедем!
Атлантида сегодня тонет.

Погружает Господь под воду
Всё, что стало исчадьем ада:
Демагогов, кто врал народу,
Полководцев на баррикадах.

Завтра в книге о нас прочтётся
У какого-нибудь Платона,
Что страну согрело солнце,
Что любил Господь как никто нас,

Голубое лучилось небо,
Зерна в злак набивались туго,
Но с ума мы сошли от гнева
И пошли воевать друг с другом.

Атлантида истощно плачет,
Убегайте, спасайтесь люди!
Здесь не будет теперь удачи,
Завтра здесь ничего не будет.

В обратный мир,
что мне,
как и другим,
До времени
условного
неведом

Вадим
ГОРИНОВ

Двое маленьких, взявшись за руки...

Дело к вечеру. Побережье.
Двое маленьких,
взявшись за руки...

Вторник, и – дождь –
во второй половине.
В сторону севера – струи косые.
Так – ожидать
возвращения посыльных:
Ливень. Не едут.
Никто не повинен.

Так – замереть до условного знака.
Сосредоточиться на ожиданье.
На созерцании всполохов дальних
В недрах асфальта,
покрытого лаком.

И, на сегодня совсем разуверься:
Видимо, снова не будет ответа, –
Вдруг провалиться
в свободу и ересь.
Или же в детство, хранимое где-то.

Бродить по улицам, мечтать.
Шататься без руля и смысла
Бог знает где... Уж лучше так,
Чем дома на диване киснуть.
Уж лучше ветер и зима,
Попеременно – снег и слякоть:
Когда подует, будто март,
Когда метёт и крутит всяко.

И вспоминаешь, что живёшь.
Что есть дела важней и проще,
Когда торжественно идёшь
Распахнутою снежной рошей.

Выходишь на трамвайный круг, –
На звон, на перестук, на память.
И, просветлённый, има вдруг
Роняешь лёгкими губами.

"Здравствуй..." – даже произнёс.
Глуто... Медленное: скомкал.
Сколько – вдоль дороги – гнёзд
На деревьях снежных... Сколько.

Мимо – каждый красный шарф
Настораживает: может?
Равные – с душой – душа –
Не ужились: слишком схожи.

Кровные: и так близки.
Рядом лечь – не станет ближе.
Зеркало – у лба – руки:
Рядом быть – уже не вижу.

А не рядом... Если быстрый,
Резкий ветер по платформе.
И мгновенный всплеск,
как выстрел.

ЭТОД
Созвучатели, сонеучастники в
Возлеидольном общем топтаныи.
Совкушатели
знойных законов травы.
Совладетели Слова, как тайны.

Смелониспровергатели
самых основ.
Смехотворцы на полном серьёзе.
Пахнет прожитой июностью,
ранней весной,
Многолужьем и солнцелюслёзем.

Проходя переулком:
звучащим, дурианым, весенним
Не случайно – на солнце,
тебя оставляю беде,

От рожденья слепой
до падения слепыми ведомый,
Неожиданно зрячим
очнулся на старости лет.

Впрочем, рано о старости,
если такое творится.
Если даже из Смерти
обратно бывает тропя.
Прохожу переулком,
по-новой сумевши родиться.
Словно не жил совсем,
словно с неба сегодня упал.

Идёшь, и сердце прыгает.
Совсем по-детски светится.
Над страхами, над рынками –
Как будто вверх по лестнице.

Внезапно свободой –
Колотится – разбужено.
Вершащейся: так вот оно! –
Вокруг – высокой службою.

На волю – с детства – пленником:
Нахлынуло, и – узано
По точному продлению
Во сне звучащей музыки.
Чутьём глубинным: истинно –
Из множества просеяно.
На свет пробилось листьями
И песнями весенними.

Любовью пишется легко:
Одним штрихом, одним дыханьем.
Наверно не было стихами
Всё, что писалось до сих пор.

Какой подарок к Рождеству:
Помимо праздничного снега,
Понять, что я поэтом не был, –
Прийти к такому – самому.

Как будто свежим ветерком
Дожнуло ласково и томно.
Душа открыта и огромна:
Прими опять учеником!

Не уезжай далеко.
Не отлучайся надолго.
Это совсем нелегко, –
Что – и не выскажу толком.
Это – как в детстве в толпе
Вдруг оказаться забытым.
Этой (не слышать, не петь!) –
Нет изощрённее пытки.

Тупо сидеть и молчать.
Дело: возьмёшь и оставишь.
Это не просто печаль.
Это – врожденная старость.
Рук (не мешают – твори!) –
Полная в жизни ненужность.
Это не сердце болит.
Это значительно хуже.

Это – прожить одному
Видно уже невозможно.
Это – в ответ твоему
Громкому – выдохнуть: "тоже..."

Привет тебе, кого не знал совсем.
Теперь уж –
только если есть загробье.
Родные не в миру, не по утробе, –
Другое, – приоткрытое не всем.
Такой же. Отзывается внутри
Каким-то: щёлк!
какой-то чистой нотой.
И – даже голос чудится: хоть кто-то
На языке знакомом говорит.

(Вот только без пожатия руки) –
Привет тебе от – тоже – дармоеда.
Такого же. Грядёт хороший день.
Тугой, глубокий между нами воздух.
И мы, пока что,
Слава Богу, розно...
По воздуху – туда – привет тебе!

Начинай с: "Люблю тебя", –
Счастье настоящее.
Утро. Небо – в голубях.
Ты – в окно смотрящая.

Легче – тихие слова –
Шарика воздушного.
Та же, вроде бы, кровать,
А касались душами.

После – за полночь – дожда –
Так дурманит марево.
Двое рядышком сидят
В мире, им подаренном.

Ничего, кроме песен,
Никогда не умел...
Опалённое место
Остаётся во мне.

Видно, выше не прыгнуть,
Чем задумано – там.
Вечно платой за крылья
Начиналась беда.

Два огромных, тяжёлых.
Ни вдохнуть, ни поднять.
Словно тёмные шторы,
Заслоняют тебя.

Люблю, когда – снег
и ещё когда –
Широкие желтые листья;
Когда, шевелясь – по стеклу – вода,
И – волны – во тьме и в свисте.
Когда, содрогая, ударит в мыс, –
Вскипит и очертит пеной.
Когда тесно-струйной –
сверху – вниз –

По зову обрушит стену.
И стихнет когда,
ледяным: "Оставь...",
По трубам с домов стекая.

...Люблю в неподвижную руту –
с моста
Пустыми швырять стихами...

Мне хватит кусочка стола –
В нём мир отражается целый.
Здесь звуки цепляют игла,
Здесь смотришь,
как в прорезь прицела.

Охота, погоня, война,
Любовь к покорённому звуку –
Как нежно умеет она
Направлять ведомую руку.
Чтоб снова возникли значки
Из хаоса многих звучаний
Простым продолженьем руки,
Вселенной моей окончаньем.

В поисках счастья, в поисках Бога
(Есть же, наверное, где-то они)
Мне ведь и нужно,
в общем, немного.
Просто немного нужно любви.
И догадаться будет нетрудно.
Сердце почует прежде всего.
Так и брожу я в поисках Чуда,
Беря в него и не веря в него.